

doi:10.22363/2313-2337-2017-21-4-565-581

ИНСТИТУТ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ ДОГОВОРА В ИТАЛЬЯНСКОМ ПРАВЕ

А.А. Новицкая

Римский университет Тор Вергата
00173, Италия, Рим, Орацио Раймондо, 18

Актуальность обращения к проблематике регулирования недействительности договора в итальянском праве продиктована кризисом пандектной системы деления порочных договоров на недействительные и ничтожные. Именно в итальянском праве — в судебной практике и доктрине — сделана попытка, оставаясь в рамках пандектной системы недействительности сделок, дополнить ее новыми видами порочности договора, заимствованными в том числе из французской правовой традиции.

Цель статьи — анализ основных черт института недействительности договора в итальянском гражданском праве. При написании статьи использовался главным образом сравнительно-правовой метод, были проанализированы итальянские доктрина и судебная практика.

Прежде всего, в статье уделяется внимание влиянию немецкой и французской правовых традиций на систематику норм о недействительности договора в Итальянском гражданском кодексе 1942 г. Рассматриваются основания ничтожности и оспоримости договоров в гражданском праве Италии. В связи с тем, что особое значение для теории гражданского права отводится центральной роль *causa* в качестве реквизита или существенного условия договора, которая также во-многом определяет организацию норм о ничтожности договора в итальянском гражданском праве, подробно анализируется данная категория. Наконец, рассматриваются такие дискуссионные в итальянской доктрине и судебной практике вопросы, как ничтожность договора по основанию противоречия императивной норме и публичному порядку. В заключительной части статьи представлены общие выводы о регулировании недействительных и оспоримых сделок в итальянском праве, а также представлен обзор таких способов исцеления недействительных договоров, как конвалидация и конверсия.

Ключевые слова: гражданское право Италии; итальянское договорное право; недействительность договора; ничтожность договора; оспоримость договора; кауза, конвалидация; конверсия

І. ВВЕДЕНИЕ

Смещение немецкой доктрины о недействительности сделок с французской моделью договора в Гражданском кодексе Италии 1942 года Общие замечания

Институт «недействительности договора» (*invalidità del contratto*) в современном гражданском праве Италии сформировался в результате смешения раз-

работанной в немецкой пандектистике доктрины о недействительности сделок и модели договора, в основе которого лежит правовая традиция Гражданского Кодекса Франции 1804 г. (далее — ФГК).

В отличие от предыдущего, Гражданским кодексом Италии 1865 г., делившим пороки договора на генетические, т.е. относящиеся к заключению договора, и функциональные, т.е. на стадии его исполнения, действующий Итальянский гражданский кодекс 1942 г. (далее — ИГК) «обратился» к системе недействительности сделок, восходящей к немецкой пандектистике. При этом ИГК по своей структуре и иным правовым институтам следует правовой традиции ФГК. Такое смешение немецкой и французской правовых традиций проявляет себя в следующих особенностях регулирования недействительности договора в итальянском праве.

1. Как в Гражданском кодексе Италии 1865 г., так и в ИГК 1942 г. центральным правовым институтом выступает договор или контракт (*contratto*), но не сделка (!). При этом сделка, хотя и не встречается в тексте ИГК, используется в судебной практике и доктрине в качестве родового понятия (Benedetti, 1969:5), охватывающего соглашения, регулируемые как гражданским правом, так и иными отраслями права¹. Например, вырабатывая правила толкования частноправовых актов, Кассационный суд обращается к более общему понятию «сделка», а не к договору, формулируя правило, согласно которому «предшествующая сделка может использоваться для интерпретации последующей»².

2. На концепцию договора в ИГК оказал влияние ФГК, визитной карточкой которого до 1 октября 2016 г. было понятие кауза (*cause*), выступавшее в качестве существенного условия действительности соглашения (ср. *conditions essentielles pour la validité d'une convention*, ст. 1108 ФГК в редакции, действовавшей до 1 октября 2016 г.). В развитие французской традиции, в ст. 1325 ИГК в качестве «правового реквизита» или существенного условия договора названо наличие каузы (*causa*). При этом итальянская доктрина изначально отказалась от французской концепции *cause* в субъективном смысле как индивидуальной цели (Capitant, 1927:19). В итальянской доктрине *causa* в ст. 1325 ИГК понимается как синоним понятия «тип договора». Кроме того, в положениях статьи 1343 ИГК, посвященной основаниям неправомерности *causa*, дается определение понятию неправомерная кауза (*causa illecita*), восходящее к понятию *cause illicite* кодекса Наполеона (ср. ст. 1133 ФГК в редакции, действовавшей до 1 октября 2016 г.).

3. В ст. 1418 ИГК, обобщающей гипотезы ничтожности, прослеживается влияние как французской, так и немецкой традиций. Например, в положениях абз. 1 ст. 1418 ИГК указано, что ничтожным считается договор, противореча-

¹ Cass.19.12.2012, num. 23441; Cass. 21.03.2013, num. 7214.

² Cass. 27.04.2016, num. 8438.

щий в целом императивным нормам, если законом не установлено иное (абз. 1 ст. 1418) (так называемая «виртуальная ничтожность») (Villa, 1993:26). В итальянской литературе отмечается, что норма абз. 1 ст. 1418 ИГК скопирована с § 134 Германского гражданского уложения (далее — ГГУ), признающего ничтожность сделки, нарушающей запрет закона (Feggi, 1996:396). В то же время в абз. 2 ст. 1418 ИГК среди оснований ничтожности называется отсутствие *causa*. В такой гипотезе ничтожности прослеживается влияние французской модели договора, признающей каузу одним из существенных условий соглашения.

4. Влияние французской модели на регулирование ничтожности договоров в ИГК проявляется в терминологии. Вместо понятия оспоримый договор (*contratto impugnabile*) итальянский законодатель использует термин уничтожаемый или аннулируемый договор (*annulabilità, contratto annullabile*). Несмотря на терминологическое сходство с французским правом, концептуально в доктрине сделан выбор в пользу немецкой модели, поэтому аннулируемые договоры приравниваются к оспоримым согласно немецкой правовой традиции (ср. *anfechtbare Rechtsgeschäfte*) (Messineo, 1952:382). Кроме того, итальянский законодатель использует французский подход о разграничении абсолютной и относительной ничтожности (Cabrilac, 2016:92).

5. Наконец, влияние Кодекса Наполеона проявилось в том, что наряду с делением договоров на ничтожные и оспоримые из французского права была заимствована конструкция «несуществования» (*inesistenza*) договора, не нашедшая отражения в самом тексте ИГК, но используемая в доктрине и судебной практике для квалификации мнимых и притворных договоров (Vauga, 2002:122).

Указанные и многие другие черты института недействительности договора согласно ИГК, воспринявшего одновременно французскую модель договора и немецкую систему недействительности сделок, образуют специфику его регулирования, которая и будет проанализирована далее.

II. НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ ДОГОВОРОВ: ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

Как известно, ИГК построен по институциональной системе (подобно ФГК). В связи с этим в кодексе отсутствует «Общая часть», в отличие, например, от Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ) или ГГУ, следующих пандектной системе. В частности, в то время как правовые нормы о недействительных сделках расположены в ГК РФ или, например, в ГГУ в общей части, институт недействительности договоров в ИГК находится в четвертой книге «Об обязательствах», в титуле II «О договорах в целом», в главах 11 («О ничтожности договора») и 12 («Об оспоримости договора»).

Несмотря на регламентацию института недействительности договора в книге «Об обязательствах», нормы о ничтожности и оспоримости договора применяются также к договорам с реальным эффектом, формализующим кау-

зальный перенос собственности и иных вещных прав (ст. 1367 ИГК) (Breccia, 2011).

Каждая из глав о недействительных договорах (глава 11 «О ничтожности договора» и глава 12 «Об оспоримости договора») построена по более или менее единой логике. Вначале рассматриваются гипотезы, т.е. основания ничтожности (ст. 1418 ГК РФ) или оспоримости договоров (ст. 1425–1440 ИГК), затем специальные нормы о ничтожности и оспоримости многосторонних договоров (ст. 1420 ИГК о ничтожности многосторонних договоров, ст. 1446 об оспори- мых многосторонних договорах). После этого следуют нормы о легитимации на заявление иска о признании недействительным ничтожного договора и о признании оспоримого договора недействительным соответственно (ст. 1421 ИГК для ничтожных договоров, ст. 1441 ИГК для оспоримых) и положения о сроках исковой давности ничтожных (ст. 1422 ИГК) и оспоримых (ст. 1442 ИГК) до- говоров. В заключительных положениях каждой из глав о ничтожных и оспори- мых договорах установлены способы их исцеления (запрет конвалидации для ничтожных договоров в ст. 1423 ИГК, положения о конверсии ничтожных до- говоров в ст. 1424 ИГК; конвалидация для оспоримых договоров согласно ст. 1444 ИГК).

Институт недействительности договора в ИГК урегулирован несимметрично. Наиболее подробное регулирование посвящено оспоримым договорам. Так, глава 12 «Об оспоримости договоров» делится на три раздела — оспоримость в связи с пороками право- и дееспособности (*Dell'incapacità*), оспоримость в свя- зи с пороками в соглашении (*Dei vizi del consenso*), и раздел, посвященный иску о признании оспоримого договора недействительным (*Dell'azione di annullamento*).

2.1. Критерии разграничения ничтожных и оспоримых договоров

В итальянской доктрине и судебной практике предлагается два основных критерия отнесения порочных договоров к ничтожным или оспоримым — 1) общественное значение порока договора, или характер нарушаемых договором интересов и 2) отношение порока договора к воле и волеизъявлению субъекта договора.

К ничтожным договорам относятся исходя из первого критерия договоры, нарушающие интересы публичного характера (Gabrielli, 2006:1434). Важность санкционирования договоров, затрагивающих наиболее серьезные обществен- ные интересы посредством признания их ничтожными, выражается также в правиле, согласно которому судья может по своему усмотрению разрешить во- прос о ничтожности (ст. 1421 ИГК). Так, если, например, заявлен иск об испол- нении договора, который отвечает признакам ничтожности, судья сам может поставить вопрос о признании такого договора ничтожным.

В литературе возможность рассмотрения ничтожности договора по соб- ственному усмотрению вызывает серьезную критику. Высказывалось мнение, что в основе права судьи рассмотреть вопрос ничтожности договора по соб-

ственному усмотрению — «авторитарная идеология», которая может приводить к преувеличениям и злоупотреблениям (Triolo, 2015:17).

Кроме того, общественное значение порока в ничтожных договорах объясняет неприменение к искам о признании ничтожного договора недействительным срока исковой давности (ст. 1422 ИГК), и, наконец, невозможность «исцеления» договора посредством конвалидации, т.е. последующего одобрения и согласия сторон с правовыми эффектами договора (ст. 1423 ИГК). Единственным способом исцеления ничтожных договоров остается конверсия (ст. 1424 ИГК), т.е. переквалификация одного договора в другой с изменением правового основания, или типа такого договора. В официальном Докладе министра юстиции Д. Гранди о Гражданском кодексе от 4 апреля 1942 г., официальном пояснении к кодексу подобно Мотивам к ГГУ дано следующее разъяснение положениям о ничтожности договора (пункт 650): «Ничтожность, как правило, затрагивает договор и не подлежит исцелению (ст. 1423) и может быть рассмотрена по своему усмотрению судьей (в соответствии со ст. 1421). Не допускается, чтобы истечение времени исцеляло договор (ст. 1422 ИГК), но делается исключение в отношении приобретения по давности и сроков исковой давности по искам о возврате...». Несмотря на отсутствие срока исковой давности для исков о признании ничтожных договоров недействительными сроки исковой давности предусмотрены для исков об возврате недолжного (ст. 2033–2040) и иска из неосновательного обогащения (ст. 2041 ИГК). Такой общий срок исковой давности и для исков о возврате недолжного (который носит общий характер и применяется как для возврата денег, так и иного имущества), и для исков из неосновательного обогащения составляет 10 лет (ст. 2946 ИГК).

Второй критерий предполагает разграничение между оспоримостью и ничтожностью договора по характеру влияния порока договора на волеобразование и волеизъявление стороны договора. Пороки, относящиеся к субъекту договора и к его воле и волеизъявлению, такие как заблуждение, умысел, насилие, недостатки в право- в дееспособности, традиционно охватываются составами оспоримых договоров.

Иными словами, оспоримость относится к порокам, касающимся субъективных условий свободы и сознания субъекта договора, в то время как ничтожность является санкцией, которая направлена на защиту общественных и публичных интересов, которые правовая сделка затрагивает или выражает (Majo, Ferri & Franzoni, 2002:13). Можно также с определенной долей условности сказать, что ничтожная сделка нарушает публичный интерес, а оспоримая — частный (Tommasini, 1978:876).

Разграничение ничтожности и оспоримости договора по характеру нарушаемых интересов нашло отражение в решении Объединенных секций Кассационного суда Италии, отметившего, что «в то время как оспоримость защищает интересы, квалифицированные, но специальные, ничтожность направлена на защиту интересов общих, предусмотренных правовым порядком, относящихся к

ценностям, рассматриваемым в качестве фундаментальных скорее для социальной организации, чем для отдельных лиц...»³.

2.2. Недостаточность двухчастного деления недействительных договоров

Двухчастное деление недействительных договоров на ничтожные и оспоримые, образующее каркас итальянской системы порочных договоров, оказалось недостаточным и было дополнено в судебной практике и доктрине категориями несуществования (*inesistenza*) и неэффективности (*inefficacia*) договора. Некоторые авторы, рассматривающие недействительность в широком смысле, как охватывающую не только генетические пороки договора, но и пороки функциональные, т.е. возникающие на стадии исполнения (функциональные пороки), относят к числу недействительных отменяемые (*contratto rescindibile*) и расторгимые (*contratto risolubile*) договоры (Messineo, 1958:576–577). Такие договоры подобно оспариваемым договорам могут лишиться правового эффекта по инициативе одной из сторон.

Расторгимость (*risolubilità*) договора (ст. 1453–1469) наступает в результате порока, затрагивающего исполнение договора, а не его заключение. Об отменности договора (*rescindibilità*) можно говорить, когда модальность правового акта характеризовалась определенными обстоятельствами (угроза, нужда), которые позволили другой стороне получить выгоду и повлекли диспропорцию между двумя предоставлениями (ст. 1447–1452 ИГК).

Следует отметить, что в российском праве сделки, совершенные под влиянием нужды и угрозы (кабальные сделки), считаются оспоримыми (п. 3 ст. 179 ГК РФ), а в ИГК такие сделки квалифицируются как отменяемые (ст. 1447 ИГК).

Остановившись подробнее на несуществовании и неэффективности договора, следует отметить, что о несуществовании (*inesistenza*) договора принято говорить в отношении мнимых и притворных договоров. Например, в одном из решений Кассационный суд указал на то, что мнимый договор является несуществующим. Среди прочих характеристик несуществующего договора суд назвал отсутствие у него *causa* как социально-экономической функции⁴. Неэффективность (*inefficacia*) в отличие от несуществования указывает на его неспособность произвести правовые эффекты в целом, при том, что договор может оставаться действительным. Например, договор, поставленный под отлагательное условие, действителен, но взятый в конкретный момент (до наступления определенного условия) неэффективен (лишен правового эффекта).

Категория неэффективности применяется для квалификации договоров присоединения, содержащих обременительные условия согласно ст. 1343 ИГК (ср. п. 2 ст. 428 ГК РФ).

³ Cass. Sez. U.12.12.2014, num. 26242.

⁴ Cass. 10.05.2016, num. 9401.

Традиционно выделяют неэффективность в широком смысле и в узком. Неэффективность в широком смысле — понятие, охватывающее все сделки, не способные произвести правовой эффект независимо от причины. Неэффективность в узком смысле — понятие, охватывающее действительные сделки, не способные произвести правовые эффекты по причине внешних обстоятельств (таких, как ненаступившее условие, например, или отсутствие одобрения договора, совершенного *falsus procurator*, со стороны представляемого)⁵.

Наконец, принято выделять так называемую защитную ничтожность (*nullità di protezione*) (Prisco, 2012:79). Такая конструкция защитной ничтожности договора предусмотрена для защиты интересов потребителя согласно положениям Потребительского кодекса Италии (*Codice del consumo*), вступившего в силу 6 сентября 2005 г. Право на иск о признании ничтожного договора с участием потребителя недействительным принадлежит лицам, специально указанным в Потребительском кодексе. В свою очередь защитная ничтожность является особой формой более общего вида относительной ничтожности (*nullità relativa*), о которой говорит ст. 1421 ИГК. Относительная ничтожность в отличие от абсолютной предполагает предоставление права на иск о признании ничтожного договора недействительным прямо указанным в законе лицам. По мнению ряда исследователей, фигуры защитной ничтожности, появившейся под влиянием права ЕС, и относительной ничтожности сближают фигуры ничтожного и оспоримого договоров (Putti, 1997:673–705).

Наряду с относительной и защитной ничтожностью в доктрине и судебной практике используется конструкция абсолютной оспоримости, когда в ситуациях оспоримого договора право на заявление иска принадлежит не только стороне договора, но и иным заинтересованным лицам. Примером здесь может быть норма абз. 1 ст. 624 ИГК, в соответствии с которой завещательное распоряжение, сделанное под влиянием заблуждения, насилия или обмана (т.е. оспоримая сделка), может быть оспорено любым заинтересованным лицом, а не только стороной данной сделки.

Поиск в доктрине и судебной практике наряду с ничтожностью и оспоримостью иных способов квалификации порочных договоров, возможно, свидетельствует о кризисе пандектной системы недействительных договоров, замыкающейся на ничтожных и оспоримых договорах. Оказывается, что квалификация договора как ничтожного или оспоримого не всегда позволяет дать ему точную правовую оценку (Gabrielli, 2006:1547). Кроме того, критерии для разграничения ничтожных и оспоримых договора по характеру защищаемых интересов также не всегда справедливы. Наконец, очевидна несоразмерность в качестве признания ничтожными договоров, для которых не соблюдается предпи-

⁵ Cass. 08.07.2016, num. 14066; Cass. 17.06.2010, num. 14618; Cass. 08.07.1983, num. 4601.

санная законом форма (Sacco & Nova, 2004:522). Наконец, своего рода кризис двухчастного деления недействительных договоров в итальянском праве вызван также появлением новых видов аномалий договора в праве Европейского Союза, в котором отсутствует какая-либо четко детерминированная система недействительности частноправовых актов (Alpa, & Capilli, 2007:326).

III. ВИДЫ НИЧТОЖНОСТИ ДОГОВОРОВ

Гипотезы ничтожных договоров рассматриваются в ст. 1418 ИГК. Статья 1418 ИГК звучит следующим образом:

«Договор ничтожен, когда [он] противоречит императивным нормам, за исключением случаев, если закон устанавливает иное (абз. 1 ст. 1418 ИГК).

Ничтожность договора порождает отсутствие одного из реквизитов, указанных в статье 1325, неправомерность *causa*, неправомерность мотивов в случае, указанном в статье 1345, и отсутствие в объекте реквизитов, установленных статьей 1346 (абз. 2 ст. 1418 ИГК).

Договор также ничтожен в других случаях, указанных в законе (абз. 3 ст. 1418 ИГК).

Гипотезы ничтожности, приведенные в ст. 1418 ИГК, принято делить на три группы — 1) так называемая виртуальная ничтожность (*nullità virtuale*) в случае противоречия договора императивным нормам вообще (абз. 1 ст. 1418 ИГК), 2) структурная ничтожность (*nullità strutturale*) при наличии порока в структуре договора (абз. 2 ст. 1418 ИГК), 3) текстуальная ничтожность (*nullità testuale*), когда ничтожными являются договоры в случаях, прямо предусмотренных законом (абз. 3 ст. 1418 ИГК) (Rabbits, 2012:527–528).

Анализ каждого из оснований ничтожности требует самостоятельного исследования. В рамках настоящей статьи рассматриваются некоторые наиболее интересных основания ничтожности договора.

3.1. Ничтожность договора вследствие нарушения императивных норм («виртуальная ничтожность»)

Виртуальная ничтожность договора имеет место в результате противоречия договора императивным нормам вообще. Традиционно виртуальная ничтожность противопоставляется гипотезе абз. 3 ст. 1418 ИГК, где речь идет о так называемой «текстуальной ничтожности», где указывается на ничтожность, если о ней прямо указано в законе⁶. Сложность с применением абз. 1 ст. 1418 ИГК вызвана тем, что в законе не говорится, что такое императивная норма. Задача квалификации правовой нормы в качестве императивной или диспозитивной возлагается поэтому на доктрину и судебную практику.

⁶ Ср.: Cass. Sez. U. 17.09.2015, num. 18213.

Сегодня положения п. 1 ст. 1418 ИГК о виртуальной ничтожности имеют второстепенный характер отчасти из-за сложностей квалификации той или иной нормы в качестве императивной, а также из-за того, что почти все основания ничтожности охватываются гипотезами структурной (абз. 2 ст. 1418 ИГК) и текстуальной (абз. 3 ст. 1418 ИГК) ничтожности.

Маргинальное положение «виртуальной ничтожности» определяется также значением принципа сохранения договора согласно ст. 1367 ИГК. Данный принцип предполагает, что в случае неясного содержания договора и сложностей его квалификации, он должен интерпретироваться как имеющий правовую силу.

Следование данному принципу исключает обращение к виртуальной ничтожности при наличии иных способов санкционирования договора, позволяющих сохранить его в силе. Такая интерпретация, обесценивающая положение абз. 1 ст. 1418 ИГК, восходит к решению Кассационного суда 1946 года. Суд указал на остаточную область регулирования положений ст. 1418 ИГК, отметив, что только при невозможности обращения к иным имущественным или дисциплинарным санкциям применяется наиболее жесткая санкция в виде ничтожности⁷. В развитие данного толкования Кассационный суд в одном из решений отметил, что признание договора ничтожным исключается, если хотя и имело место нарушение императивных норм, но такое нарушение может быть источником иной гражданско-правовой ответственности, не связанной с ничтожностью⁸.

В доктрине высказана идея о возможности признания согласно абз. 1 ст. 1418 ИГК ничтожным только такого договора, который кроме нарушения императивных норм одновременно нарушает фундаментальные правовые ценности (Tommasini, 1978:875), или же нарушаемая императивная норма направлена на защиту интересов публичного характера, стоящих во главе ценностей, защищаемых правопорядком (Roppo, 2006:441). Судебная практика следует данной идее, применяя абз. 1 ст. 1418 ИГК как санкцию за нарушение императивной нормы, поставленной на защиту публичного интереса⁹. К таким публичным интересам относятся, например, интересы определенных коллективов. Так, ничтожным является смешанный договор, охватывающий договор купли-продажи и договор подряда на строительство гостиницы или зданий для целей проживания на земельном участке, предназначенном для промышленного строительства. В данном случае защита интересов и прав физических лиц на благоприятную окружающую среду подлежит защите и требует признания соответствующей

⁷ Cass. 16.7.1946, num. 892.

⁸ Cass. 24.11.2005, n. 23914.

⁹ Cass. 5.10.2009, num. 21235; Cass. 28.1.2003, num. 1223.

щего договора ничтожным¹⁰. К публичным интересам относится, например, защита здоровья. Так, в одном из решений Кассационный суд признал ничтожным договор поставки кофе, поскольку на этикетках не была указана дата истечения срока годности¹¹.

3.2. Структурная ничтожность

Гипотезы, охватываемые положениями абз. 2 ст. 1418 ИГК, можно разделить на две группы:

- отсутствие какого-либо из реквизитов договора;
- неправомерность одного из реквизитов договора.

К реквизитам договора (*requisiti del contratto*), если следовать терминологии ИГК, или к существенным условиям договора в близкой российскому читателю терминологии, относятся согласно ст. 1325 ИГК: 1) соглашение, 2) объект договора, 3) *causa*, 4) форма договора, когда ее соблюдение предписано законом под угрозой ничтожности.

Кроме того, своего рода факультативным существенным условием или реквизитом договора является также мотив, если он имеет существенное значение. В этом случае неправомерность совместного для сторон мотива, если исключительно преследование такого мотива побудило контрагентов к заключению договора, приводит к ничтожности договора согласно ст. 1345 ИГК. Следует отметить, что под мотивом в отличие от *causa* понимается некоторый интерес субъективного характера, не обязательно имеющий социально-экономическое значение.

3.2.1. Структурная ничтожность в связи с отсутствием одного из реквизитов договора

Наиболее частыми основаниями структурной ничтожности, связанные с отсутствием одного из реквизитов договора (*mancanza di uno dei requisiti*), являются:

- отсутствие соглашения сторон;
- отсутствие *causa*;
- отсутствие объекта договора и отсутствие в объекте реквизитов, установленных ст. 1346 ИГК.

Следует отметить, что сложность применения указанных оснований ничтожности вызвана отсутствием единого конвенционального толкования понятий «соглашение» (*accordo*), кауза (*causa*) и объект (*oggetto*) договора. Дискуссии и споры в судебной практике и доктрине не вызывает разве что признание ничтожными договоров из-за отсутствия формы, когда ее соблюдение обязательно по закону под угрозой ничтожности (п. 4 ст. 1325 ИГК).

¹⁰ Cass. 17.06.2016, num. 12628.

¹¹ Cass., 18.7.2003, num. 11526.

Об отсутствии, а более точно о недостижении соглашения, принято говорить в следующих типизированных случаях: а) несерьезное волеизъявление, как, например, в рамках учебного эксперимента; б) волеизъявление, совершенное в результате применения физического насилия, в) несоответствие между офертой и акцептом, г) классическим примером отсутствия соглашения является ситуация постановки договора под условие чисто потестативного характера (ст. 1355 ИГК).

В целом, отсутствие соглашения как основание ничтожности в судебной практике применяется редко. Подлинный интерес и споры вызывают случаи ничтожности договора по мотивам отсутствия *causa*.

В доктрине и судебной практике отсутствует единство мнений о том, что такое *causa*. Господствующим в судебной практике остается толкование, сводящее *causa* к объективной социально-экономической функции договора¹². Согласно такой интерпретации *causa* приравнивается к типу договора и служит целям контроля за волеизъявлением сторон, выходящим за пределы признанного договорного типа. Такое понимание *causa* устанавливает область судебного надзора, который ограничивается атипичными договорами, не соответствующими признанным договорным типам. В типичных же договорах судебный контроль за *causa*, понимаемой в объективном смысле, сводится к проверке ее реализуемости в рамках исполнения возникающего из договора обязательства (Rabbitì, М. 2012:554).

Наряду с указанным подходом признанием пользуется интерпретация *causa* как индивидуальной экономической функции (Fertì, 1966:370) или же конкретной функции, которую стороны желали придать собственному договору¹³ (Breccia, 1999:5, 66). К такому толкованию примыкает концепция, согласно которой *causa* является причиной заключения договора (*ragione dell'affare*) (Bianca, 2000:472). Акцентирование в приведенных субъективистских концепциях роли *causa* в качестве конкретной функции договора призвано подчеркнуть, что *causa* выражает прежде всего интересы конкретных контрагентов в договоре (Roppo, 2006:85).

В судебной практике можно выделить следующие типизированные случаи отсутствия *causa*. Например, об отсутствии *causa* принято говорить в случае неадекватности, или необоснованности экономических операций (данный довод используется главным образом со стороны налоговых органов при признании соответствующих договоров ничтожными)¹⁴. Кроме того, отсутствие *causa* предполагается в ситуациях абсурдности принятого по договору обязатель-

¹² Cass. 26.1.2006, num. 1514; Cass. 26.10.2005, num. 20678; Cass. 22.03.2012, num. 4558; Cass. 21.10.2015, num. 21449; Cass. 10.05.2016, num. 9401.

¹³ Cass. 8.05.2006, num. 10490; Cass., 12.11.2009, num. 23941.

¹⁴ Cass. 05.12.2014, num. 25758; Cass. 30.11.2012 num. 21390; Cass. 14.01.2015, num. 405.

ства¹⁵, нереализуемости договорного обязательства¹⁶, неэквивалентности предоставлений по договору¹⁷. Отсутствует *causa* и в алеаторных договорах, лишенных элемента риска, как, например, в договоре ренты с получателем ренты, находящимся на пороге смерти¹⁸.

Достаточно жесткой является судебная практика по признанию отсутствия *causa* в договорах с реальным эффектом (*contratto ad efficacia reale*), когда договор не создает обязательство, но «имеет объектом перенос собственности, создание или перенос вещного права или иного права» (ст. 1376 ИГК). Ничтожным такой договор по причине отсутствия *causa* признается, если в нем не представлено экономическое обоснование реального эффекта (переноса права собственности, перехода вещного права и т.д.). Еще в 1992 году Кассационный суд сформулировал общепринятую сегодня позицию, согласно которой простое и одностороннее наделение имуществом не может ни в коем случае приравниваться к *causa*. И далее суд продолжает: «договор, на основе которого другим передается благо, без спецификации титула для такой передачи... остается, таким образом, ничтожным актом из-за отсутствия *causa*»¹⁹. Такая интерпретация роли *causa* в договоре с реальным эффектом свидетельствует об однозначном выборе итальянского законодателя в пользу каузальной модели переноса собственности.

Относительно отсутствия объекта договора следует отметить, что понятие «объект договора», как и понятие *causa*, вызывает споры в доктрине и судебной практике. Существуют два главенствующих подхода. Согласно одному из них под объектом понимается содержание договора и предоставление, согласно другому — имущественное благо (Marzio, 2008:129).

При этом случаи ничтожности договора из-за отсутствия объекта являются довольно редкими. Так, в одном из дел суд признал договор об установлении сервитута ничтожным из-за отсутствия объекта (земельный участок был разделен на два самостоятельных участка с самостоятельными кадастровыми номерами, а сервитут установлен в отношении участка до разделения, уже не существующего)²⁰. Чаще всего в судебной практике возникают споры, связанные с отсутствием у объекта договора реквизитов, установленных ст. 1346 ИГК, т.е. возможности объекта (*possibilità dell'oggetto*), его правомерности, определенности и определяемости.

¹⁵ Cass. 13.12.1993, num. 1994.

¹⁶ Cass. 22.03.2012, num. 4558.

¹⁷ Cass. 28.8.1993, num. 9144; Cass. 24.2.1968, num. 632; Cass. 08.09.2015, num. 17746.

¹⁸ Cass. 11.8.2004, num. 15541; Cass. 28.04.2008, num. 10798; Cass. 10.11.2015, n. 22950.

¹⁹ Cass. 29.11.1992, num. 12401.

²⁰ Cass. 16.03.2016, num. 5208.

3.2.2. *Неправомерность реквизитов договора*

Наряду с отсутствием реквизитов, указанных в ст. 1325 ИГК, ничтожными являются договоры, в которых такие реквизиты являются неправомерными. В наиболее общем виде неправомерность *causa*, объекта, соглашения и мотива договора проявляется в том, что каждый из указанных элементов или все в совокупности направлены на результат, противоречащий императивным нормам (*norme imperative*), публичному порядку (*ordine pubblico*) или добрым нравам (*buon costume*). В доктрине сложности некоторое время вызывало разграничение императивной нормы и публичного порядка. Часть доктрины предлагала отождествлять публичный порядок с императивными нормами (Ferri, 1970:170), более современная тенденция проводит четкое разграничение между двумя концепциями. Противоречие добрым обычаям устанавливает границу правомерности актов частных лиц. В судебной практике было дано следующее толкование несоответствия договора добрым обычаям: «предоставлениями, рассмотренными в качестве противоречащих добрым обычаям, являются не только такие, что противоречат сексуальной скромности и нравственности, но также и такие, что нарушают принципы и этические требования, принадлежащие коллективному моральному сознанию, которому сообщество добропорядочных лиц подчиняет собственное поведение в определенной обстановке и в определенный исторический момент²¹.

Центральную роль играет гипотеза неправомерности *causa* согласно ст. 1343–1344 ИГК. В доктрине выдвигалась идея, что гипотеза неправомерности *causa* носит настолько общий характер, что охватывает, или, вернее сказать, поглощает в том числе составы неправомерности соглашения, объекта, мотива соглашения, когда последний является существенным реквизитом договора. Неправомерная *causa* имеет две формы — *causa illecita* (ст. 1343 ИГК), а также обход закона (*frode alla legge*). Неправомерность *causa*, например, предполагается в ситуациях договоров, направленных на обход запрета заключения *pactum commissorium* согласно ст. 2744 ИГК²².

На квалификацию договоров как имеющих противоправную *causa* в соответствии со ст. 1343 ИГК оказывает непосредственное влияние теория *causa*. Для представителей доктрины, которые отождествляют *causa* с типом договора, очевидным является то, что типичные договоры, регулируемые в ИГК, такие, как купля-продажа, аренда, не могут быть неправомерными, так как факт заключения указанных договоров уже как бы подтверждает факт действительности *causa*. Неправомерность *causa* ограничивается лишь ситуациями атипичных договоров. Для адептов указанной теории *causa* как конкретной функции кон-

²¹ Cass. 21.4.2010, num. 9441; Cass. 4.6.2001, num. 7523.

²² Cass. 4.3.1996, num. 1657; Cass. 20.7.2001, num. 9900; Cass. 8.2.2007, num. 2725; Cass. 21.01.2016, num. 1075.

кретного договора (*causa concreta*) сама гипотеза неправомерности *causa* выступает иллюстрацией правильности их концепции. Сама постановка вопроса о том, что *causa* может быть неправомерна, хотя типизированные каузы закреплены в законе, показывает очевидным образом, что *causa* не ограничивается типом договора, но может указывать просто на намерения сторон, выраженные в сиделки.

IV. ВИДЫ ОСПОРИМЫХ ДОГОВОРОВ

Наиболее подробное регулирование посвящено в ИГК оспоримым договорам (глава 12). Как было отмечено выше, глава 12 ИГК содержит 3 раздела — раздел 1 «О неспособности», и раздел 2 «О пороках соглашения», раздел 3 «Об иске о признании оспоримого договора ничтожным». В соответствии с указанной систематикой принято выделять оспоримые договоры, совершенные лицами, имеющими пороки в право- и дееспособности (в ИГК для такого рода сделок используется родовое понятие неспособности *incapacibilità*) и оспоримые договоры, затрагивающие пороки соглашения.

К оспоримым договорам, затрагивающим пороки дееспособности, относятся договоры, совершенные недееспособными и ограниченно дееспособными (ст. 1425 ИГК), в том числе несовершеннолетними (ст. 1426 ИГК). К оспоримым договорам в связи с пороками соглашения относятся соответственно договоры, совершенные под влиянием заблуждения (в ИГК вместо заблуждения используется более традиционный термин ошибка, *errore*) (ст. 1427, 1428–1433 ИГК), насилия (ст. 1427, 1434–1436 ИГК), обмана (ст. 1439–1440 ИГК). Кроме того, в ИГК выделяются оспоримые договоры, совершенные под угрозой реализовать собственное право (ст. 1438 ИГК). Регулирование оспоримых договоров в ИГК является непропорциональным. Вопросы право- и дееспособности рассматриваются скудно и только в отношении физических лиц. При этом оспоримость договора по основаниям пороков в соглашении сторон регламентирована очень подробно. Например, предусматривается самостоятельное разведенное по отдельным статьям регулирование случаев заблуждения. ИГК выделяет, в том числе, заблуждение в праве (п. 4 ст. 1429 ИГК) или, например, заблуждение в передаче волеизъявления (ст. 1433 ИГК), специально рассматривает вопросы распознаваемости заблуждения и т.д.

V. СПОСОБЫ ИСЦЕЛЕНИЯ ДОГОВОРА

В итальянском праве в отличие от российского права подробно регламентированы способы исцеления ничтожных и оспоримых договоров. Основное значение имеют конверсия (*conversione*) для ничтожных договоров (ст. 1424 ИГК) и конвалидация (*convalida*) для оспоримых договоров (ст. 1444 ИГК). Под конверсией понимается осуществляемая в силу закона модификация договора, которая позволяет избежать ничтожности всего договора. При этом конвертируемый ничтожный договор способен произвести правовые эффекты иного до-

говора, которому он соответствует по форме и содержанию, когда, принимая во внимание цели сторон, можно допустить, что они заключили бы этот иной договор, если бы знали о ничтожности фактически заключенного договора.

Конвалидация является способом исцеления оспоримых договоров со стороны лица, управомоченного на иск об оспаривании. Она предполагает одобрение оспоримого договора. Конвалидация бывает выраженной (в форме одностороннего правового акта со стороны лица, управомоченного на оспаривание и содержащего указание на оспоримый договор) и молчаливой, в случае подтверждения эффектов оспоримого договора посредством его исполнения со стороны лица, управомоченного на оспаривание договора. Кроме того, в качестве способа исцеления порочных договоров итальянские доктрина и судебная практика рассматривают недействительность части договора (ст. 1419 ИГК) (Новицкая, 2015:108–115). Наконец, в ИГК предусмотрен также механизм ретификации (*retifica del contratto*), т.е. изменение условия договора, составленного под влиянием заблуждения, и сохранение исправленного в результате договора в силе в качестве действительного (ст. 1432 ИГК). Ретификация предполагает, что до причинения вреда вследствие заблуждения или ошибки сторона, знающая о заблуждении контрагента, может предложить заблуждающейся стороне исполнить договор способом, соответствующим содержанию договора и на условиях, на которых заблуждающаяся сторона намеревалась заключить договор.

Указанные способы исцеления договоров призваны смягчить пространные сроки исковой давности для исков о недействительности договоров (для исков о признании ничтожного договора недействительным срок исковой давности отсутствует (ст. 1422 ИГК), а по искам об оспаривании срок исковой давности составляет 5 лет, ст. 1442 ИГК). Кроме того, способы исцеления договора направлены на реализацию принципа сохранения договора, закрепленного в ст. 1367 ИГК.

VI. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представленный анализ показывает основные черты итальянского института недействительности договора, интегрирующего в себе правовые традиции германской системы недействительности сделки и французской модели договора. В ИГК подробно регламентированы гипотезы ничтожности договора. Системобразующее значение для данных гипотез имеет понятие *causa*. Детально урегулированы также положения об оспоримости договоров. Следует отметить, что серьезное значение в системе норм ИГК занимают положения об исцелении договора, что соответствует принципу сохранения договора как одной из центральных ценностей, определяющих гражданский оборот в итальянском праве, а также позиции судебной практики, которая стремится редуцировать случаи аннулирования правового эффекта договора и его сохранения в целях гарантии стабильности гражданского оборота.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК / REFERENCES

- Alpa, G. & Capilli, G. (2007) *Lezioni di diritto privato europeo*. Milano, CEDAM.
- Baura, E. (2002) Il sistema delle invalidità (inesistenza e nullità, annullabilità e rescindibilità) dell'atto giuridico. In: *L'atto giuridico nel diritto canonico*. Città del Vaticano, Libreria Editrice Vaticana, pp. 121–141.
- Benedetti, G. (1969) *Dal contratto al negozio unilaterale*. Milano, A. Giuffrè.
- Bianca, C. M. (2000) *Diritto civile*. Vol. III. Milano, A. Giuffrè.
- Breccia, U. (1999) La causa. In: *Trattato di diritto privato diretto da M. Bessone*. Vol. XIII, t. III. Torino, G. Giappichelli.
- Breccia, U. (2011) Commentario ad articolo 1324. In: Navarretta, E. Ortestano, A. (eds.) *Commentario del Codice civile diretto da Enrico Gabrielli. Dei Contratti in generale*. Vol. I: Artt. 1321–1349 c.c. Torino, UTET Giuridica, pp. 177–183.
- Cabrillac, R. (2016) *Droits des obligations*. Paris, Dalloz.
- Capitant, H. (1927) *De la cause des obligations*. Paris, Dalloz.
- Ferri, G. B. (1966) *Causa e tipo nella teoria del negozio giuridico*. Milano, A. Giuffrè.
- Ferri, G. B. (1970) *Ordine pubblico e buon costume e la teoria del contratto*. Milano, A. Giuffrè.
- Ferri, G. B. (1996) Appunti sull'invalidità negoziale (da codice civile del 1865 al codice civile del 1942). *Rivista del diritto commerciale*. I, 367–394.
- Gabrielli, E. (2006) *I contratti in generale*; a cura di E. Gabrielli. Torino, Utet Giuridica, 2006.
- Majo Di A., Ferri, G. B. & Franzoni, M. (2002) *La invalidità del contratto. La nullità, la annullabilità — Settimo tomo dei volumi dedicati alla disciplina del contratto nel Trattato di diritto privato dir. da M. Bessone*. Torino, Giappichelli Editore.
- Marzio Di, F. (2008) *La nullità del contratto*. Padova, CEDAM.
- Messineo, F. (1952) *Dottrina generale del contratto*. Milano, Giuffrè.
- Messineo, F. (1958) Annullabilità ed annullamento (diritto privato). In: *Enciclopedia del Diritto*. Vol. II. Milano, A. Giuffrè.
- Novitskaya, A. A. (2015) Dogovor priznan chastichno nedeistvitel'nym. Kakaya iz pravovykh doktrin pomozhet sokhranit' sdelku? [The contract is partially invalidated. Which of the legal doctrines will help preserve the bargain?]. *Arbitrazhnaya praktika dlya yuristov*. (12), 108–115.
Новицкая А.А. Договор признан частично недействительным. Какая из правовых доктрин поможет сохранить сделку? // Арбитражная практика для юристов. 2015. № 12. С. 108–115.
- Prisco, I. (2012) *Le nullità di protezione: indisponibilità dell'interesse e adeguatezza del rimedio*. Napoli, Edizioni scientifiche italiane.
- Putti, P. M. (1997) Nullità (nella legislazione di derivazione comunitaria). In: *Digesto IV, Discipline Privatistiche. Sezione Civile*. Vol. XVI. Torino, UTET Giuridica. pp. 673–705.
- Rabbits, M. (2012) Commentario ad articolo 1418. In: Navarretta, E. Ortestano, A. (eds.) *Commentario del Codice civile diretto da Enrico Gabrielli. Dei Contratti in generale*. Vol. III: Artt. 1387–1424. Torino, UTET Giuridica, pp. 521–587.
- Roppo, V. (ed.) (2006) *Trattato del contratto*. Vol II. Milano, A. Giuffrè.
- Sacco, R. & Nova De, G. (2004) *Il contratto*. Vol. 2. Torino, UTET Giuridica.
- Tommasini, R. (1978) Nullità (diritto privato). In: *Enciclopedia del diritto*. Vol. XXVIII. Milano, A. Giuffrè, pp. 866–909.
- Triolo, D. P. (2015) *L'invalidità del contratto*. Firenze, Key Editore.
- Villa, G. (1993) *Contratto e violazione di norme imperative*. Milano, A. Giuffrè.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Новицкая Анна Андреевна, кандидат юридических наук, докторант, Римский университет Тор Вергата.

ORCID: 0000-0003-1520-4578

Контактная информация:

e-mail: anna.novitskaya1985@gmail.com

Для цитирования:

Новицкая А.А. Институт недействительности договора в итальянском праве // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2017. Т. 21. № 4. С. 565–581, doi:10.22363/2313-2337-2017-21-4-565-581

INVALIDITY OF CONTRACT UNDER THE ITALIAN LAW

Anna A. Novitskaya

University of Rome Tor Vergata
18, Via Orazio Raimondo, Rome, Italy, 00173

The problems of regulating the invalidity of contract under the Italian law is dictated by the crisis of the pandect system of the division of irregular contracts into nullity and annullability. In particular, in the Italian doctrine and case-law attempted to add within the pandect system of invalidity of bargains supplement it with new types of irregular contracts, borrowed from the French civil law tradition.

The author using comparative method and examines the invalidity of contract under the Italian law. Firstly, the Article deals with the influence of German and French legal regulation of invalidity of contracts on Italian Law. Secondly, the author discusses the difference between nullity (*nullità*) and annullability (*annullabilità*) of contracts and analyzes the basic concepts of contract law such as *causa* as the essential term of contract, for the most part, determines the organization of norms on the nullity of the treaty in Italian civil law. Also the Article focus on the public order, imperative norms under Italian contract law.

In conclusion of the Article presents general conclusions on the regulation of nullity and annullability under Italian contract law, as well as an overview of convalidation and conversion. The article is oriented to civilists interested in the comparative legal research and the Italian contract law.

Keywords: Italian civil law; Italian contract law, invalidity of contract; nullity of contract; annullability of contract; *causa*; convalidation; conversion

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anna A. Novitskaya, Candidate of Legal Sciences, Doctoral Student, University of Rome Tor Vergata.

ORCID: 0000-0003-1520-4578

Contact information:

e-mail: anna.novitskaya1985@gmail.com

For citation:

Novitskaya, A. A. (2017) Institut nedeistvitel'nosti dogovora v ital'yanskom prave [Invalidity of Contract under the Italian Law]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Yuridicheskie nauki* [RUDN Journal of Law]. 21 (4), 565–581. Available from: doi:10.22363/2313-2337-2017-21-4-565-581.